

ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ 9.7. ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

Программа 9.7.1. Традиции и новации в литературе и фольклоре (координаторы член-корр. РАН Е. К. Ромодановская, докт. ист. наук Н. А. Алексеев)

В Институте филологии завершено многолетнее исследование переводного сборника «Римские Деяния», появившегося на Руси в последней трети XVII в. Сборник в разных редакциях включает около 40 повестей беллетристического характера. Обогатив русскую литературу новыми для нее сюжетами, сборник оказал влияние на дальнейшее формирование ее системы, способствуя формированию беллетристики, т. е. собственно художественной литературы. В результате текстологического анализа выявлен ряд неизвестных ранее редакций как комплекса в целом, так и отдельных повестей из его состава; все они впервые публикуются с привлечением всех доступных списков (рис. 11). Столь полномасштабное исследование с привлечением всех редакций произведено впервые.

В том же Институте на основе единого сюжетологического подхода рассмотрены категории мотива, сюжета и жанра в русской литературе в их типологических отношениях и историко-генетических взаимосвязях. Дан анализ мотива в его эпической (повествовательной) и лирической разновидностях, а также отношений мотива и сюжета, сюжета и жанра. Показано, что в историческом измерении поэтики именно сюжет в его динамике и развитии выступает одним из основных факторов образования новых жанров (рис. 12).

В Институте монголоведения, буддологии и тибетологии исследована система отрицательных женских персонажей бурятского героического эпоса — чудовищ-мангадхаек, которые выступают одними из главных врагов улигерных героев — богатырей и богатырок.

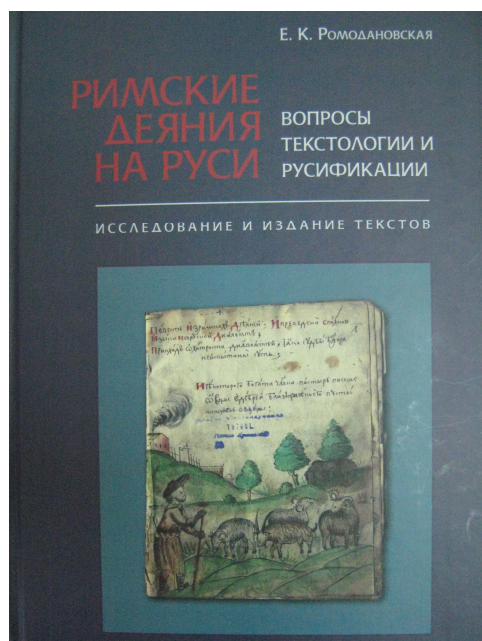

Рис. 11. Монография Е. К. Ромодановской «Римские Деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации». М.: Индрик, 2009. 968 с.

Рис. 12. Монография И. В. Силантьева «Сюжетологические исследования». М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.

Рис. 13. Иллюстрация Ч. Б. Шонхорова к эпосу «Гэсэр». Мангадхайка Енхобой с братом Лойр Лоб-соголдой мангадхаем.

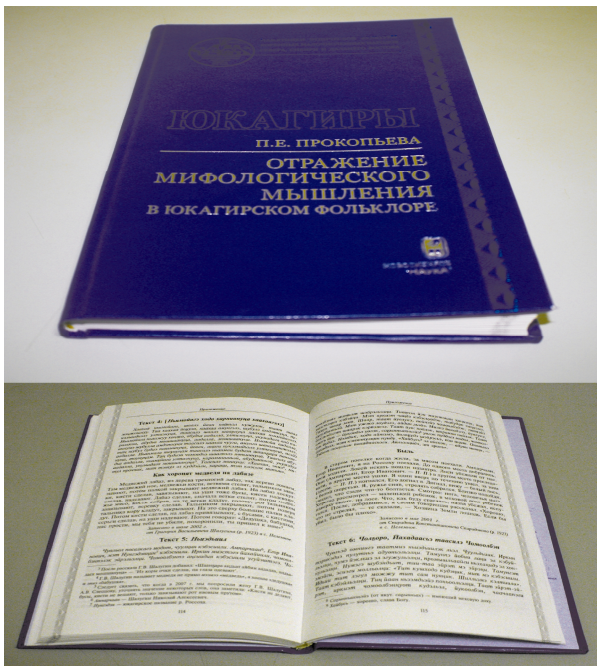

Рис. 14. Монография Прокопьевой П. Е. «Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре». Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.

Выявлено, что образы мангадхаек (рис. 13) встречаются как в древних эхирит-булагатских, так и в более развитых унгинских улигерах (Иркутская область), а также в хоринском

эпосе (Забайкалье). Они берут начало из эпохи матриархата и являются одними из наиболее архаичных в системе персонажей бурятских улигеров. В их основе лежат представления о матери-прародительнице, тесно переплетающиеся с представлениями о персонифицированном божестве древнего мира — богине-матери. Наряду с этим, в образах мангадхаек прослеживаются остатки культа лесного духа, хозяйки леса, владычицы животных, на что указывают зоо- и орнитоморфные черты в их облике. Основываясь на особенностях функциональной стороны образа, его роли и влиянии на развитие сюжета, а также учитывая развитие рассматриваемого образа в процессе эволюции самих улигеров, выделены следующие типы женских отрицательных персонажей, встречающиеся в улигерах: женщина из леса; мангадхайка-прародительница; сестры, жены, матери мангадхаев; женщина-путевое препятствие. Образы, типологически близкие бурятским мангадхайкам, встречаются в эпосе тюркоязычных и монголоязычных народов Сибири и Центральной Азии (калмыков, монголов, якутов, тувинцев, узбеков и т. д.) (монография Николаевой Н. Н. «Отрицательные женские персонажи в героическом эпосе бурят: функции, семантика и поэтика». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 105 с.).

В Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера исследованы происхождение и семантика древнейших образов, сюжетов и мотивов юкагирского фольклора. Впервые сделаны следующие выводы: появление образа многоногого лося, имеющего своего хозяина, в фольклоре относится к периоду распада синкретического образа Матери-Земли; в образе Зайца вычленяются черты тотемного предка, культурного героя и трикстера; гигантский людоед (Мифический Старик) является антропоморфным выражением хаоса и хтонизма; дана интерпретация сопутствующих образов и мотивов. Впервые вводятся в научный оборот фольклорные тексты верхнеколымских юкагиров на русском и юкагирском языках, собранные в экспедициях в 1989—2006 гг. (рис. 14).